

СОЖЖЁННЫЙ ПЛАМЕНЕМ

— Мишка, ты можешь быть серьёзнее?

Брат хлопнул по столу ладонью и сердито посмотрел на меня.

— Могу, — я пожал плечами, — а зачем?

— В смысле, зачем? Ты наследник боярского рода Скуратовых и обязан соответствовать положению.

Я демонстративно закатил глаза:

— Илья, дорогой мой братец, вообще-то, это ты старший сын и наследник. И это ты возглавишь род после отца. А я младший, не забыл? Поэтому имею право не быть занудой, как ты.

Если честно, то старшего брата я обожал. Сильный, уверенный в себе, всегда выручавший меня, когда я шалил в детстве. Это он наследник рода, гордость матери и опора отца. А я разгильдяй и оболтус, живущий в своё удовольствие. Мне плохо давались родовые заклания боевой магии, зато второй курс университета я окончил на отлично. Только юриспруденция мне наскучила, и я подумывал сменить специализацию. О чём и заявил, приехав на каникулы.

— Что за глупость ты придумал с учёбой? — Илья строго на меня посмотрел. — Каких ещё бабочек ты собрался ловить на Суматре?

— Самых разных. — Я изобразил глубокую озабоченность. — По оценкам ведущих учёных, на Суматре остаются неописанными сотни видов чешуекрылых. И я мог бы оставить след в энтомологии, отправившись туда в научную экспедицию. Ну или на Мадагаскар, туда плыть ближе, а бабочек там не меньше.

— А, я понял! — Илья расплылся в улыбке. — Ты издеваешься.

— Чего сразу издеваюсь? Я на полном серьёзе, даже какой-нибудь вид назвал бы в твою честь. *Papilio skuratovnitsa*. Как звучит, а?

Брат расхохотался:

— Подготовился, значит? Всё с тобой ясно. Хочешь посмотреть дальние страны, почувствовать себя знаменитым путешественником и познакомиться с необузданными дикарями. Я правильно угадал?

— Ничего подобного!

Мне пришлось сделать возмущённый вид, чтобы не признавать очевидное. Брат ошибся только в одном — «необузданные дикарки» шли первым пунктом, а не последним.

— Прости, Мишка, но ничего не получится, — брат вздохнул. — Я бы с лёгкостью тебя отпустил, но сейчас не время для подобных вояжей. Роду нужен толковый юрист, а не энтомолог.

— Илюш, ну сам подумай — какой из меня законник?

— Не говори ерунды, — брат махнул рукой, — всё у тебя получится. А когда женишься...

Я закашлялся от неожиданности.

— Что, прости?

— Так отец тебе ещё ничего не говорил? — Хитро улыбнувшись, Илья встал. — Ничего, за обедом всё узнаешь. Не хочу портить родителям удовольствие сообщить новость. Пойду прикажу, чтобы тебе подали две порции десерта — подсластить этот чудный момент.

Он подмигнул мне и пошёл к двери.

— Илья!

— За обедом, братец! Ты всё узнаешь за обедом! — не оборачиваясь, ответил он. — Говорят, она чудо как хороша и самая завидная невеста губернии.

Брат вышел из комнаты, а я несколько раз глубоко вдохнул, чтобы успокоиться. Врёт! Он специально так сказал, чтобы надо мной подшутить. Или нет? Мама же что-то писала мне месяц назад, но я не обратил внимания. Да нет, не может быть! Рано мне, да и вообще, совершенно не вовремя. Ещё университет надо окончить...

Бух! Бух!

Со двора усадьбы раздалась громкие хлопки. Я обернулся к окну и поморщился. Это что такое? Брат решил запустить фейерверк в честь удачной шутки надо мной?

Бух! Бух! Бух!

Не выдержав, я подошёл к окну и отдёргнул занавеску. Ворота во двор усадьбы валялись на земле, выбитые из петель. А подле них цепью стояли чужие люди с оружием и стреляли в сторону особняка.

Бух!

Как заворожённый, я застыл у окна, не в силах сдвинуться с места. Грохотали выстрелы, седыми прядями плыл дым, кто-то истошно кричал, а мне всё ещё не верилось в реальность происходящего. Этого не может быть, потому что не может быть никогда! Чтобы кто-то напал на усадьбу Скуратовых?!

Вж-ж-ж-ж-дых!

Прозрачное облако дрожащего воздуха, похожее на огромный кулак, врезалось в стрелков. Четверо рухнули, словно чурбачки в городках, сбитые ловким броском. Один дёргался в пыли, нелепо загребая руками и перебирая ногами. А трое других остались лежать без движения, и под ними расплывались тёмные пятна. Остальные стрелки не стали геройствовать и отступили за ворота.

Кровь! Только сейчас я поверил, что всё это по-настоящему. Это кровь, и лежащие на земле люди мертвы! Пальцы до боли впились в подоконник, а к горлу подкатил комок.

Из дома выбежал отец — расхристанный, с непокрытой головой. Полноватый, с большими залысинами, старший Скуратов был в мягких домашних тапочках, которые носил из-за больных ступней. Но сейчас никто не назвал бы его безобидным обывателем — вокруг главы рода Скуратовых клубилась грозная магическая сила.

Он швырнул в ворота ещё одно облако дрожащего воздуха и остановился посреди двора. Развёл в стороны руки, заставляя воздух гудеть и искриться короткими молниями. Я едва не вскрикнул — отец готовил призыв Хранителей. Стражей родового Источника, самого грозного оружия Скуратовых.

Но он не успел. В воротах появился человек в чёрном. Длиннополый сюртук, сапоги, шляпа на голове — он полностью оправдывал своё прозвище. «Гробовщик». Я узнал его сразу, как только увидел. И мог точно сказать, что он служит боярам Басмановым, давним врагам и соперникам нашего рода.

Гробовщик взмахнул рукой, будто ударяя невидимой плетью. И магический кокон вокруг отца взорвался вихрем огня, поглотив его фигуру.

Ослеплённый яркой вспышкой, я зажмурился. А когда цветные пятна под веками погасли, я открыл глаза и увидел, что Гробовщик стоит на одном колене. Его чёрная шляпа валяется в стороне, сам он прижимает руки к животу. А отца, потерявшего сознание, тащит к дому Илья.

— А...

Крик застрял у меня в горле. Гробовщик дёрнулся и начал подниматься. За его спиной, из ворот, выбегали уцелевшие стрелки. В этот момент ступор слетел с меня, как последний лист с осеннего дерева. Бежать! Помочь брату и отцу!

Оттолкнувшись от подоконника, я бросился к двери. Выскочил из комнаты и вихрем понёсся по коридору. Но не успел добраться до лестницы, когда с улицы донеслись приглушённые выстрелы. Следом что-то грохнуло, отчего весь дом содрогнулся до самой крыши.

— Чёрт!

Споткнувшись, я шмякнулся на пол и проехался на животе несколько шагов. Не обращая внимания на боль, вскочил и кинулся дальше. Перепрыгивая через ступеньки, скатился по лестнице и оказался в парадной прихожей.

В детстве мне всегда нравилось играть здесь, среди хрустальных светильников, ковров и картин, где царила какая-то необычайная торжественность, особенно когда родители встречали гостей. Теперь же прихожая превратилась в развалины, будто по ней прошёлся смерч, а следом всё ценное разграбили степные орды. В воздухе плавал удушливый дым, на ободранных стенах тлели огоньки пламени, а от бывшего уюта не осталось и следа. Я застыл, поражённый этим зрелищем, хлопая глазами и не зная, что делать. Но тут от окна послышался стон, полный боли, и я бросился на звук.

Илья — любимый брат, учитель и советчик, защитник и товарищ по играм — сидел оперевшись спиной о стену. Бледный как мел, с потухшими глазами, в испачканной кроху рубашке.

— Мишка, — он слабо улыбнулся.

— Сейчас, сейчас я помогу...

— Стой, — Илья поймал меня за руку и притянул к себе. — Слушай. — Он хрипло вдохнул, дрогнул всем телом и сипло сказал: — Найди мать и сестёр. Бегите, бегите отсюда!

— Нет! Я не брошу...

— Ты должен, — Илья сжал мою ладонь. — Теперь ты глава рода. Род должен жить!

Слабыми пальцами брат вложил мне в руку что-то твёрдое, влажное и липкое на ощупь. Я опустил взгляд и увидел перстень отца, измазанный красным.

— Держи, — следом Илья сунул мне револьвер с коротким стволом. — Помнишь, как пользоваться? А теперь беги. — И оттолкнул меня с силой: — Беги! Быстро, они идут!

Я вскочил, сжимая в одной руке револьвер, а в другой перстень. И через разбитое окно увидел приближающихся стрелков во главе с Гробовщиком.

— Беги, братишка! — По лицу Ильи пробежал судорога. — Я их задержу.

Развернувшись, я кинулся прочь, оглядываясь на ходу.

— Удачи, — слабо улыбнулся Илья, прикрыл глаза, и вокруг него стала сгущаться сила. Он готовил очень неприятный «сюрприз» для незваных гостей.

Мёртвая тишина стояла на летней веранде. Семья любила собираться здесь тёплыми вечерами, ужинать и долго беседовать за чаем. Отец рассказывал истории из своей молодости или про дела боярских родов, и я всегда замирал, чтобы не пропустить ни единого слова. И вот теперь всё это исчезло, расколотое и уничтоженное.

Стол был опрокинут, на полу валялась разбитая посуда. Белоснежная скатерть, скомканная и испачканная сажей, лежала кучей. По полу растеклась лужа из треснувшей супницы. А дальше, рядом с комодом, сломанными куклами лежали сёстры. Безвольно раскинув руки и глядя в потолок остекленевшими глазами.

— Ма...

Крик застрял в горле, когда я увидел маму, упавшую у выхода в сад. В синем бархатном платье, которое так шло ей при жизни.

Внутри словно подул ледяной ветер, безжизненный, бесстрастный и безжалостный. Чувства покрылись изморозью, как стёкла зимой. И все слова и слёзы, готовые вырваться наружу, превратились в лёд.

— Слышь, Петька... — Чужой голос вырвал меня из оцепенения. — Смотри, чё нашёл!

Из-за шкафчика, в котором мать хранила отцовские настойки, поднялся незнакомый мужик. Бородатый, с тёмными злыми глазами и бутылкой в руке.

— Э, — он прищурился, увидев меня, — пацан!
Мужик рукой потянулся за шкаф, но не успел ничего сделать.
Бах! Бах! Бах!

Реvolver в моей руке ожил, будто сам по себе, и трижды коротко рявкнул. И мужик начал заваливаться навзничь, закатив глаза, словно собираясь рассмотреть дырку у себя во лбу.

Не успел я опустить оружие, как в спину что-то ударило, сбивая меня с ног. Выронив реolver, я покатился по полу и с хрустом впечатался в комод, ломая тонкие дверцы шкафчика.

На мгновение показалось, что вокруг стоит ватная тишина. Такая, что не слышно собственного дыхания. И даже закричать не получается, сколько ни открывай рот. Но стоило подняться на ноги, как в ушах что-то щёлкнуло, и на меня обрушились звуки. Треск, вой и грохот. Я обернулся и увидел, как из дверей, ведущих в дом, вырывается пламя. Илья! Это он сделал!

Над головой затрещала крыша веранды, грозя обрушиться. Схватив реolver, я бросился в сад через пролом в стене. словно чужая сила толкала меня прочь от дома, шепча на ухо: «Беги, беги, маленький человечек, или погибнешь. Беги! Или тоже умрёшь!»

Остановившись на опушке леса, я с ужасом смотрел на пылающую усадьбу, охваченную огнём до самой крыши. Жаркое пламя пожирало стены и заставляло лопаться стёкла в окнах. Флюгер на маленькой башенке, где отец любил наблюдать звёзды в телескоп, расплавился от жара и бесформенной кляксой упал на трескающуюся черепицу. Огонь, зажжённый магией умирающего брата, пожирал всё, став огромным погребальным костром семьи боярина Скуратова.

В носу предательски защипало, а на глаза навернулись непрошенные слёзы. Весь мой мир рухнул в одно мгновение.

Я едва не закричал от накативших горя и тоски. С трудом давя всхлипы, с силой потёр тыльной стороной ладони нос, чтобы не зарыдать в голос. Нельзя! Нельзя! Надо бежать, надо выжить, чтобы отомстить...

Бах!

Выстрел грохнул почти незаметно на фоне гудящего пожара. И в тот же момент что-то ударило меня в бок, обжигая и заставляя вскрикнуть.

— Вон он!

— Держи пацана!

Ноги сами развернули меня и понесли в лес. Словно заяц, преследуемый гончими, я кинулся между деревьями, петляя и не останавливаясь ни на секунду.

Через березняк, знакомый с детства. Напрямик через поляну, заросшую травой по пояс. Затем сквозь дубняк, засыпанный прошлогодней пожухлой листвой. Падая, снова вставая, тяжело дыша и слыша, как бешено колотится сердце. Револьвер, так и зажатый в руке, цеплялся за ветки, но я не выпустил его, будто палочку-выручалочку для крайнего случая. А невнятные голоса, перекрикивающиеся за спиной, гнали меня всё дальше.

В какой-то момент я оступился и рухнул на склон оврага, коварно спрятавшегося за чахлым кустарником. Кувыркнувшись и чудом разминувшись со стволом дерева, я кубарем скатился по склону на самое дно. И под конец плюхнулся грудью в грязь возле крохотного ручейка.

— А-а!

Подняться оказалось невероятно трудно. Я прижал руку к внезапно заболевшему боку. Опустил взгляд и обнаружил, что рубашка там вся пропитана кровью. А между пальцами потянулись густые тёмно-красные капли.

— Он там! Внизу!

Крик одного из преследователей заставил забыть о ране и бегом кинуться вдоль ручья.

Здесь было множество завалов из упавших деревьев и сухих веток, рос колючий кустарник, то и дело под ноги попадались скользкие валуны.

Я падал, вставал и снова падал. Одежда изодралась о ветки, а руки исполосовали царапины. Но что хуже всего, бок саднило всё сильнее. И с каждым шагом сил становилось всё меньше и меньше. В горле клокотало, а вдохи давались с трудом и звучали с наглым хрипом. Револьвер выскользнул из пальцев и, булькнув, упал в ручей. Но у меня не нашлось ни сил, ни желания, чтобы вернуться и подобрать его. Позади всё ближе слышался треск веток. Кто-то задорно матерился, выстраивая длинные этажи сквернословия и обещающая «сбежавшему пацану» самую лютую смерть.

Двигался я уже механически, ничего не соображая. В глазах темнело, и всё произошедшее казалось кошмарным сном. Хотелось только лечь на землю, прямо в грязь, и больше не шевелиться. Но я продолжал перебирать ногами, ковыляя вперёд на одном упорстве.

Голоса приближались, и в какой-то момент я понял: всё, не уйти. Покачиваясь и зажимая рукой бок, горящий огнём, я огляделся и внезапно узнал это место. Я бывал здесь, около старой засохшей сосны, прошлой осенью. Ходил с дядькой Матвеем на охоту, и тот показал мне кое-что...

— Быстрее, уйдёт щенок!

За спиной послышались голос и треск веток. Не раздумывая, я шагнул прочь от ручья и вломился в густые кусты. Да, я вспомнил. Там, за глухой стеной зелёных ветвей, со склона оврага обвалился пласт земли, обнажив каменные плиты старинной постройки, которую и показывал мне дядька Матвей. То ли древний храм, то ли ещё более древнее языческое капище.

Ноги подломились, и я рухнул на старые, истёртые каменные плиты, не в силах больше идти. Даже дышать я не мог, едва втягивая воздух мелкими глотками.

Позади перекрикивались голоса, злые и раздражённые, потерявшие след. Но я уже не слышал их. От раны в боку по телу пополз мертвенный холод, забираясь ледяными пальцами в самое нутро. От этого становилось жутко и страшно, словно сама смерть касалась сердца. И в то же время на меня снизошло спокойствие — всё кончилось, больше не надо никуда бежать, стрелять и убивать. Можно просто лежать и ждать скорого конца.

— Тебе рано уходить, человеке.

Слова прозвучали совсем рядом. Настолько нечеловеческим голосом, что я приподнял голову, пытаюсь рассмотреть говорящего. И едва не закричал, увидев выходящую из каменной плиты фигуру, объятую пламенем.

ГЛАВА 2

ДОГОВОР

Есть в мире черта, за которую нет хода живым. Одни говорят, что она отделяет Явь от Нави, другие — что за ней лежит астральный план бытия, третьи учат о мире духов, четвёртые называют лежащее за чертой Аль-Гайб — «то, что сокрыто». Там лениво текут потоки магии, обитают духи, мелкие бесы и другие сущности, для которых у людей нет имён. Именно оттуда в материальный мир и пришло нечто. Высокое существо, окутанное всполохами чистого огня, появилось, когда наследник Скуратовых упал на каменные плиты.

Оно давно ждало этого момента. Ещё до того, как прозвучали первые выстрелы. Задолго до той минуты, как во двор усадьбы Скуратовых ворвались слуги чужого рода. И даже раньше, чем старший Скуратов бросил неосторожные слова на балу у губернатора. Ведь оно умело исчислять судьбы смертных лучше любого провидца и оракула. Так что явилось оно в самый подходящий момент. И голос его звучал как звенящая медь:

— Тебе рано уходить, человеке.

С трудом бьющееся сердце вдруг заколотилось в груди. А сам я едва не захлебнулся от ужаса. Человек, сотканный

из пламени, одновременно прекрасный и страшный, наводил такую жуть, что хотелось бежать прочь без оглядки.

И что самое кошмарное, я слышал о таких существах. Похититель душ — вот кто это! Обитатель астрального плана, пожирающий саму сущность человека. Являющийся к беззащитным умирающим, кто не имеет сил дать отпор.

— Кххх...

Я силился закричать. Пусть преследователи услышат и найдут меня! Лучше умереть от их, человеческих рук, чем мою душу сожрёт это. Но вместо крика вышло только невнятное шипение.

Фигура из пламени громко расхохоталась:

— Не бойся, глупый человек! Ты ошибся, я не тот, о ком ты подумал. Твоих Похитителей душ я могу развеять одним движением пальца. А когда я несусь по горним сферам, они разлетаются с моей дороги, как мошки. И можешь не стараться — ни тебя ни меня никто не услышит, я позаботился об этом.

Из последних сил я попытался скатиться с каменных плит. Но не смог даже перевернуться на бок.

— Ты не великий грешник и не благой подвижник — твоя душа мне не нужна и даром, — прогрохотал голос. — Но ты можешь для меня кое-что сделать.

Фигура приблизилась и опустилась на корточки, чтобы заглянуть мне в глаза.

— Да, человек, у меня есть дела в тварном мире. И ты как раз подходишь для моей цели.

Захрипев, я сделал ещё одну попытку отползти. И вновь не добился ничего. Огненный покачал головой и усмехнулся:

— Ты почти мёртв, человек, так что не дёргайся. И слушай, что я скажу. Внимательно слушай.

Его пламя загорелось сильнее, и я ощутил жар всем телом.

— Я мог бы заставить тебя служить мне. Или дать тебе умереть и занять твоё тело. Но мне нравится, с каким упорством ты борешься за жизнь, и я дам тебе шанс.

Показалось, что огненный прожѣг меня взглядом насквозь.

— Предлагаю тебе сделку, человеке. Ты станешь моим орудием в тварном мире. Будешь со всем старанием делать всё, что я скажу. А взамен я не дам тебе умереть и выполню одно твоё желание. Чего ты хочешь?

Говорят, что ни в коем случае нельзя заключать такие сделки. Но я не сомневался ни секунды.

— Воскреси моих...

— Ты обратился не по адресу, человеке. Вернуть из смерти не в моей власти. Попроси другого! Хочешь, я сделаю тебя патриархом великого рода? Когда-то давно я уже проделывал такой фокус. Твоя семья станет могущественной, и потомки получат великую власть.

— Н-нет. Я хочу мхххх...

— Что? — Огненная фигура наклонилась ко мне. — Повтори.

— Мести. Я хочу мести.

Огненный кивнул.

— Не лучший выбор, но я могу понять тебя. Что же, да будет так! Ты станешь моей ваханой, а взамен все причастные к убийству твоей семьи умрут.

Он протянул мне ладонь, сплетённую из языков огня.

— Кххх...

— Нет, подписываться кровью не нужно, — рассмеялся огненный. — Достаточно будет рукопожатия.

Сил у меня хватило ровно на то, чтобы протянуть руку и почувствовать, как пахнет обугливающаяся кожа на пальцах. От нестерпимой боли мир перед глазами померк, и я потерял сознание.

Очнулся я рывком, будто мне сунули под нос бутылочку с нюхательной солью. И в первый же момент едва не запаниковал. Я совершенно не чувствовал собственного тела, словно

меня парализовало! Вот только тело само по себе бодро шло куда-то, пробираясь через кусты. Захотелось закричать, но даже этого я не смог сделать.

«Не ори, — раздался у меня в голове голос. — Я выполняю свою часть договора».

— А...

«Не отвлекай, человеке, — усмехнулся голос огненного, забравшегося внутрь меня. — Просто смотри и наслаждайся».

Не могу сказать, что этим зрелищем можно было наслаждаться. Я, вернее огненный, управляющий моим телом, бесшумно выскользнул из зарослей. В двух шагах, спиной ко мне, стоял человек Басмановых. Один из тех, кто преследовал меня в лесу.

Огненный рывком оказался возле него и коротко ударил в поясницу. Человек судорожно захрипел и начал заваливаться вперёд. Огненный придержал его, чтобы тот не шумел, и уложил на землю. Заглянул человеку в глаза и ударил ещё раз, на этот раз в висок. Убедился, что тот мёртв, и вытащил у него из-за пояса охотничий нож с широким лезвием.

Оставив труп, огненный снова нырнул в заросли. Не издавая ни звука, он призраком скользил между ветками. Идя на голоса перекрикивающихся людей Басмановых, как на маяки.

Словно машина, огненный в моём теле действовал скупой, экономя каждое движение. Один удар ножом — один покойник падает на землю. Он быстрыми движениями обыскивал тела, забирая деньги, и двигался дальше. А на моё удивление сухо ответил: «Тебе ещё выбирать отсюда, а без средств ты умрёшь с голоду. Или думаешь стоять на паперти с протянутой рукой?»

Скоро в овраге в живых остался только я. Все преследователи были мертвы, и в воздухе звенела тишина, которую не решались нарушить даже птицы.

Последнее, что сделал огненный, — вернулся по ручью и отыскал оброненный мной револьвер. Обтёр его порванным рукавом и сунул в карман.

«Ты хотел мести — ты получил первую часть. Тебе понравилось? — шепнул огненный. — А теперь нам надо выбираться отсюда и поработать придётся уже тебе. Мне слишком скучно бегать по лесам».

Управление телом вернулось ко мне так внезапно, что я чуть не упал. И вынужден был ухватиться за сосну, оказавшуюся рядом. Всю кожу, от пяток до макушки, покалывали невидимые иголки, как руку, которую отлежишь во сне. И снова владеть самим собой оказалось так приятно, что я едва не закричал.

А следом накатила глухая тоска, и перед глазами встали как живые лица мамы, отца, брата, сестёр. И я завыл от одиночества и разрывающегося сердца.

«Нет, так не годится, — оценил моё состояние огненный. — Ну-ка, возьми себя в руки».

Он что-то сделал, и внутри меня будто задула студёная метель. Все чувства покрылись ледяной коркой и застыли. А в голове просветлело, как в солнечный зимний день, — мысли стали ясными и чёткими, но совершенно мёрзлыми и бесчувственными.

«Давай двигай отсюда, — довольно ухнул огненный, — пока за нами не выслали новую погоню».

— Куда? — спросил я вслух. — У меня больше нет ни дома, ни родных.

«Ммм... Дядя твоей матери. Как это будет по-человечески? Двоюродный дядя, верно? Вот к нему и поедем. Старик сможет помочь тебе. Давай уже, человеке, двигай ногами подальше отсюда».

Несколько часов я пробирался через лес на юг. И к закату вышел к железной дороге.

«Направо, — скомандовал голос в моей голове. — Через пару вёрст будет мост через реку. Поезда сбавляют там скорость, и ты сможешь в него заскочить».

Я вздохнул и двинулся по шпалам в указанном направлении.

«Быстрее, не расслабляйся».

— Хватит! — не выдержал я. — Сел мне на шею, как захребетник, и командует! Без тебя знаю, что делать!

Даже с замороженными чувствами я едва не вскипел. Голос огненного достал меня до печёнок — он каждую минуту говорил, что делать, советовал и подгонял. Даже когда я остановился справить малую нужду, он и тут умудрился влезть с указаниями.

«Ха-ха-ха, — он покатился со смеху. — Как ты сказал? Захребетник? Вот так меня и зови».

— Оно и видно. Самая подходящая для тебя кличка. Имя же ты всё равно не скажешь.

«Тебе будет сложно его выговорить, — хмыкнул он. — Оно примерно означает: старший посланник, наделённый полномочиями».

Последнее слово прозвучало так, что невозможно его передать ни буквами, ни звуками человеческой речи. Словно невидимый хор в сотню голосов пропел короткую мелодию.

«Не понял? Неважно. Считай, что я путешествую инкогнито, и называй Захребетником». Он снова засмеялся, словно это была очень смешная шутка, понятная лишь ему.

— Как скажешь. Кстати, вот уже и мост видно.

«Да уж, ползаешь ты как улитка. Давай прячься в кусты. Я скажу, когда твой поезд».

Сидеть в зарослях мне пришлось до самой темноты. Два состава Захребетнику чем-то не понравились, и только третий пришёлся по вкусу. Но и тут он не смог остаться в стороне: перехватил управление, пропустил большую часть поезда и запрыгнул в предпоследний пустой вагон.

Мне удалось подремать несколько часов, а потом Захребетник снова взял управление на себя и на ходу соскочил

с поезда. Признаю, кульбит он исполнил ловко, не хуже какого-нибудь гимнаста.

«Вперёд! — скомандовал он. — Через версту будет городок и станция».

— Ну и зачем было прыгать? Спокойно бы доехали и там вышли.

«Ты думалку-то включай хоть иногда, — фыркнул Захребетник. — Ты же зайцем ехал, не забыл? И выглядишь как бездомный бродяга. Или хочется в тюрьме побывать? А я тебе и так скажу — ничего интересного там нет».

— Даже не сомневаюсь, что ты там бывал и всё видел, — попытался съязвить я.

«Где я только не бывал, — вздохнул он, — и видел побольше твоего. Кстати, топай вон туда, между домами. Тебе нужен второй поворот налево».

Так, препираясь, мы вошли с ним в городок, названия которого я так и не узнал. Окраинные улицы здесь никто и не думал мостить, и мне пришлось аккуратно пробираться в темноте, чтобы не наступить в лужу.

«Второй поворот, — напомнил Захребетник. — Налево, а не направо».

В тусклом лунном свете я увидел мужчину. Пошатываясь, он двумя руками держался за забор и разговаривал сам с собой:

— А я ей возьму и отвечу! Да, скажу вот прямо с порога. Я, Муся, взрослый мужчина и могу выпить когда захочу. Да! И никто, даже ты, не можешь лупить меня скалкой.

Он потряс головой и вздохнул:

— Нет, не получится. Муся слушать не будет, пока я до скалки дойду. Как увидит, что я выпивший, так сразу как даст больно!

— А ты с порога скажи, — Захребетник перехватил управление и говорил моим голосом, — что тебя ограбили. Муся добрая, она тебя пожалеет.

— Ограбили, — мужчина нахмурился, покачиваясь и глядя на забор перед собой. — Муся за такое бить не будет. Хм. А вдруг не поверит?

— Ты пиджакними, — предложил Захребетник, — скажешь, что грабители забрали.

— Пиджак, — мужчина наклонил голову, рассматривая свою одежду, — пиджак с карманами, между прочим. Ладно, у меня другой есть.

Он попытался стянуть с себя пиджак, пошатываясь и ругаясь сквозь зубы. Захребетник, стоя за его спиной, слегка придерживал пьяницу, чтобы тот не грохнулся на землю.

— Куда деть-то? — Мужчина смотрел на снятый пиджак, прищуривая то один глаз, то другой.

— Давай я подержу.

— О! Благодарствую. — Пьяница качнулся и снова схватился за забор. — А если Муся не поймёт сразу? Подумает, что я в сенах разделся?

— Чтобы сразу дошло, нужен ещё фингал под глазом, — усмехнулся Захребетник.

— Где я его возьму? — Мужчина ощупал одной рукой лицо. — У меня такие не водятся.

— Да я тебе помогу.

Захребетник сделал шаг, обходя мужчину слева, и резко ударил его. Пьяница булькнул, шмякнулся о забор и сполз на землю. А в следующий момент я услышал его храп и печальный вздох:

— Мусенька... Только драться не надо...

«Что встал? — буркнул Захребетник у меня в голове. — Надевай пиджак с модными карманами, и вперёд. У нас мало времени».

— Боярин Скуратов, — заявил я, — никогда не наденет ворованное...

«Ты дурак? Никто ничего не воровал, он сам мне отдал, это раз. А тебя в твоём рванье в поезд не пустят, это два. Надевай!»

Спорить с ним было невозможно, и я стянул с себя грязный порванный сюртук. Бросил на землю и надел чужой пиджак, оказавшийся мне великоватым.

«Нормально, — резюмировал Захребетник, — сойдёт на первое время. И картуз его тоже возьми, с непокрытой головой будешь лишнее внимание привлекать. А теперь руки в ноги и быстрее на вокзал. Мы должны успеть на ночной экспресс».

Покупать билет Захребетник мне запретил.

«Тебя преследуют, не нужно оставлять лишние следы», — заявил он.

Вместо этого он подошёл к проводнику вагона второго класса и за пару минут договорился о проезде. Правда, пришлось отдать ему все деньги, что у меня были, и ехать в тесном служебном закутке. Зато никто из пассажиров меня не видел, и остаток ночи я успел поспать.

«Подъём! — разбудил меня Захребетник. — Через десять минут Тамбов. Там же твой дядя двоюродный живёт?»

Ответ ему не требовался. Он замолчал, давая возможность мне продрать глаза и натянуть пиджак. Дожили! Боярин Скуратов, белая кость из древнейшего рода, носит одежду с чужого плеча. Видел бы отец этот жуткий картуз на моей голове!

При мысли об отце я ощутил горечь, а к горлу на секунду подступил комок. Но в сердце продолжал царить холод, и мрачные мысли сами бежали от меня. Пожалуй, я даже почувствовал благодарность к Захребетнику за помощь — без него пережить потерю родных было бы во сто крат тяжелее.

«Вперёд, — вылез мой невидимый спутник, — нет времени на сантименты».

Пока проводник помогал шумной семье какого-то чиновника сойти на перрон, я надвинул пониже картуз и незамеченным проскользнул мимо. Прощаться и благодарить проводника не стал, хватит и того, что он содрал с меня три цены билета.

«Лицо попроще сделай, — одёрнул меня Захребетник, — ты сейчас не боярин, чтобы с таким видом ходить».

Меня словно невидимая тяжёлая рука придавила. Плечи опустились, я слегка сгорбился, склонил голову, надвинул картуз пониже, а руки сунул в карманы.

«Вот так-то лучше, — довольно хмыкнул голос моего невидимого спутника, — сойдёшь за мещанина. И прекрати кукситься — если будешь меня слушаться, всё у нас будет. Взлетишь выше, чем любой боярин».

— Мне и боярином неплохо было, — буркнул я себе под нос. — Если бы на нас не напали...

«Вот именно, дружок, вот именно. Вы, бояре, как мамонты — осколки прошлого, цепляющиеся за старинные обычаи. Пыжьтесь, древностью своей меряетесь, старые обиды веками помните. А были бы государевыми дворянами, никто бы твою семью не посмел тронуть».

Я не нашёлся что ему ответить. Боярские роды местами действительно казались каким-то пережитком глубокой старины. Вотчины, родовая магия, вечная оппозиция государю и следование древним обычаям. Всем этим гордились, демонстративно держа дистанцию с жалованными дворянами, считая их худородными выскочками. И цепляясь за архаичные привилегии, полученные ещё от великих князей. В том числе и за безнаказанное право лить кровь друг друга за реальные и мнимые обиды. Будь Скуратовы, скажем, графами, Басмановы никогда бы не посмели напасть в открытую и убить всех без разбору.

«Я же сказал, — Захребетник прочитал мои мысли и выплеснул на меня волну недовольства, — будет тебе месть. Только выполняй всё, что я говорю».

Выскользнув из здания вокзала, я остановился и вздохнул. Нет, нанять извозчика не получится при всём желании — денег у меня не осталось ни копейки. Придётся идти через весь город пешком.

«Ничего, тебе полезно, — вставил своё мнение Захребетник, — ходить полезно для здоровья».

— Тебя забыл спросить.

«Давай шагай уже. Вон туда, направо. Срежем пару кварталов».

Где живёт двоюродный дядя, я помнил плохо. Мать возила меня и сестёр к нему пару раз, но это было несколько лет назад. Так что я полагался на указания Захребетника — он вёл меня точно, будто не раз бывал здесь.

— Паря! Слышь! Ты чё, глухой? А ну стой!

Я не обратил внимания на крики. Мало ли кто там голосит! Но тут меня догнали трое парней и окружили, будто волки добычу.

— Глухой, чё ль?

Дорогу загородил тощий типчик в кепке с треснутым козырьком. Во рту у него не хватало переднего зуба, а по подбородку тянулся розовый шрам, похожий на червяка.

— Мы тебе сказали — стой! Не понял?

— Что вам угодно? — Я вскинул голову и посмотрел ему в глаза.

— Чё, барчук, что ли? — Типчик радостно осклабился. — Так с барчуков мы вдвое берём.

— Что, простите?

— Эт наша улица, барчук. — Он прищурил один глаз. — За проход пятак, за беспокойство ещё полтину. А с тебя, раз благородный, так и вдвое. Гони рубль, если не хочешь, чтоб мы тебе морду лица попортили.

— Ты ему, Филька, для вразумления, архумент свой покажи, — подбодрил его рыжий подельник. — Чтобы соображал быстрее.

Филька вытащил из кармана раскладной нож, крутанул в руке и сунул мне в лицо узкое лезвие:

— Выкладывай деньги, барчук. А то...

— Да вы ж мои хорошие! — Захребетник занял моё место, и я почувствовал, как губы сами расплываются в улыбке. — Кто вас грабить учил? Разве это так делается?

— Чё?

— Через плечо!

Захребетник махнул рукой, и типчик захлопал глазами, глядя на пустую ладонь, из которой исчез нож.

— Смотри, как надо!

Захребетник неуловимым движением схватил типчика за ухо и с силой дёрнул, пригибая к земле. А там лицо грабителя уже ждало выставленное колено.

— У-у-у-у!

Типчик схватился за разбитый нос. А Захребетник резко переместился ему за спину и пнул по ногам, заставляя упасть на колени.

— Скажи мне, щербатый, — лезвие ножа прижалось к горлу грабителя, — твои друзья тебя уважают?

— Тебя найдут, гад! — заверещал Филька. — Да за меня такие лю-у-у-у!

Захребетник так крутанул ухо, что послышался треск.

— Ещё раз спрашиваю. Твои друзья тебя уважают?

Подельники типчика стояли растерянные, не зная, что делать. А когда Захребетник обвёл их тяжёлым взглядом, дружно отшатнулись.

— Д-да! Уху отпусти!

— Тогда с них по полтине, чтобы я тебе твои уши не отрезал. С тебя же — рубль.

— Иди ты!

— Как хочешь, — Захребетник пожал плечами, наклонился и громко сказал типчику в ухо: — Мне за ними гоняться некогда, а вот ты пойдёшь со мной. Мне как раз нужен помощник в разных делах. Только глухой, чтобы лишнего не слышал, и немой, чтобы не болтал. Ты как раз подойдёшь. А твои уши друзьям на память оставишь — чтобы помнили и заупокойные по тебе заказывать не забывали.

— Слышь! — Рыжий подельник несмело шагнул вперёд. — Барин, оставь Фильку! Мы пошутить с тобой хотели, а ты вона как вызверился.

— Шутка, говоришь? Так я тоже шутки люблю, особенно каламбуры. С вас по две полтины, с него три рубля — выходит по четыре рубля за ухо. Смешно, да?

— Барин, нет у нас таких денег! — Рыжий замотал головой. — Ей-ей не вру!

— Да? — Захребетник наклонился к типчику, выкручивая ухо. — Правда нет?

— Нету! — заскулил типчик. — Рубль есть! Отпусти, господин хороший, богом прошу!

— Эх, добрый я сегодня не в меру. Давай свой рубль и проваливай отсюда.

Рубль они и правда насобирали какой-то мелочью чуть ли не по копейке. Рыжий трясущейся рукой высыпал монетки в ладонь Захребетнику и сразу же отскочил, словно заяц.

— Ещё раз увижу, — он обвёл их взглядом, — будете мне ещё за носы платить. Кыш отсюда!

Стоило ему выпустить ухо, как типчик вскочил и кинулся со своими дружками прочь, оглядываясь на ходу и держась за ухо.

— Ну ты и зверь, — покачал я головой, когда тело стало меня слушаться.

«Был бы зверь — убил бы на месте. Найди извозчика, а то ещё найдёшь приключения на свою голову».

— Эй, это ты меня завёл в какие-то трущобы! Вот сам бы и ходил по таким местам.

«Если бы я тут шёл в своём настоящем обличье, — смеялся Захребетник, — эти грешники бежали бы отсюда, не помня своих имён! Давай уже ищи извозчика».

Продолжать спор я не стал, вспомнив, как он выглядит на самом деле. И я даже не представляю, что он такое и насколько разрушительным может быть.

«И не надо этого тебе, — отозвался Захребетник. — Меньше знаешь — крепче спишь. А то, боюсь, у тебя случилась бы бессонница, если бы я сказал тебе, кто я такой».

Стараясь не думать на эту тему, я свернул в сторону оживлённой улицы. Но в голову постоянно лезли воспоминания о старой легенде — неосторожном колдуне, на плечах которого в мир пришло некое чудовище. Оно выполнило его желание, но уничтожило при этом целую страну, оставив колдуна в одиночестве посреди гор трупов. И в роли этого неудачника-колдуна мне мерещился я сам.

ПОЕЗД В ОГНЕ

Больше по пути приключений со мной не случилось, и уже через час я стоял перед дядиным домом. Старик жил в двухэтажном особнячке, построенном в стиле предыдущего царствования. Затейливая лепнина, две колонны у парадного входа, балкончики с двух сторон.

Расплатившись с извозчиком, я подошёл к двери и замер, не решаясь постучать. На меня напали сомнения. А вдруг дядя умер и я зря тащился сюда? А что, если он не захочет иметь со мной дело? Он любил мою мать, а я с ним был не в особо близких отношениях. Или, наоборот, я подставляю старика под удар Басмановых, не оставивших мысли убить меня. А вдруг...

Я не успел додумать все эти мысли. Дверь распахнулась, и на пороге появился старый Лукич, бессменный камердинер дяди. Он увидел меня и нахмурился, собираясь что-то сказать. А затем в его взгляде вспыхнуло узнавание:

— Михаил? Вы ли это?!

— Я, Лукич, я.

Пиджак с чужого плеча, замызганные брюки, дурацкий картуз — стыд и срам для боярина Скуратова. Неудивительно, что Лукич поначалу принял меня за подозрительного оборванца.

— Господи, радость-то какая! Заходите, барин, заходите! Вот уж Николай Никанорович обрадуется!

Подхватив за локоть, он втянул меня внутрь. Закрыл дверь и потащил меня в глубину дома.

— Кто там, Лукич? — послышался надтреснутый голос дяди. — Коробков опять пришёл? Гони его в шею!

— Никак нет, Николай Никанорович! Гость у нас сегодня просто замечательный.

Дядя в тёплом домашнем халате сидел в кресле с газетой в руках. Стоило мне появиться на пороге, он подслеповато прищурился и ахнул:

— Миша? Откуда ты? Что случилось-то?

Он поднялся мне навстречу и крепко обнял.

— Почему ты в таком виде? Тебя что, из дома выгнали?

Несмотря на все старания Захребетника, замороженные чувства не выдержали, и у меня на глазах появились непрошеные слёзы.

— Дядя Коля! Они убили их, всех убили!

Отмытый, накормленный и переодетый в чистое, я сидел с дядей в гостиной перед камином. Старик заставил меня пересказать историю ещё раз, принудив отбросить эмоции и постоянно задавая уточняющие вопросы. Я скрыл от него момент встречи с Захребетником, но всё остальное рассказал без утайки.

Выжав меня до конца, дядя замолчал, мрачно глядя на пляшущие языки огня. Раньше я никогда не задумывался, чем он занимался, но сейчас заподозрил, что допрос был проведён весьма профессионально.

Немолодая служанка принесла чай, поставила на столик перед нами и удалилась. Я выпил чашку, вторую, а дядя всё хранил молчание, что-то обдумывая и морща лоб.

— Отцов перстень у тебя с собой? — наконец обернулся он ко мне.